

Воспоминания о РАВИНДРАНАТЕ ТАГОРЕ

НИРМОЛКУМАРИ МАХАЛАНОБИС

Г-жа Нирмолкумари Махаланобис — супруга известного индийского ученого профессора Прасанты Чандра Махаланобиса — предоставила в распоряжение нашей редакции свои воспоминания о Тагоре. В них запечатлен образ великого поэта, каким она знала его в последние годы жизни, каким он был всегда — бесконечно добрым, отзывчивым и скромным, человеком чистой души, большого сердца, высоких помыслов.

Читая биографические труды о Тагоре, знакомишься лишь с внешней стороной его жизни. Разве можно из книг узнать, каким он был дома? На скольких простых людей он излил свою безграничную доброту! Он не отказывал в своей любви даже самому скромному, самому незначительному человеку. Тем, кто мог наблюдать его в обыденной жизни, это хорошо известно.

Мне выпало счастье пятнадцать лет знать поэта, быть рядом с ним. Мой муж уже давно завоевал его расположение, и с того самого дня, как я стала женой Прасанты Махаланобиса, Тагор принял меня в свою семью. И я вечно буду благодарить судьбу за то, что она открыла передо мной возможность завоевать его любовь.

Вскоре после нашей свадьбы Рабиндранат Тагор приехал в Калькутту и остановился у нас. Такой замечательный человек — и в гостях у такой обыкновенной женщины! К тому же я была тогда совсем неискушенной хозяйкой и страшно боялась совершить какую-нибудь оплошность. Не зная еще ни привычек, ни вкусов поэта, я во всем советовалась с мужем.

Однажды Тагор сказал, что у него побаливает спина. Вероятно, он где-то простудился.

— Нужно бы сделать ему массаж, это умерит боль, — заметила я, выйдя из комнаты Тагора.

— Ты с ума сошла! — воскликнул муж. — Тагор никогда не позволяет ухаживать за собою. Однажды у него был жар, и я собрался было обмахивать его опахалом, но он не разрешил. Лучше уж и не заводить разговор о массаже.

Я не могла согласиться с этим. Тагор страдает, а мы не имеем права помочь ему! И я решила:

— Разотру его мазью. Он не рассердится. Вот увидишь.

И хотя муж уверял, что моя попытка не увенчается успехом — он готов держать пари! — я, за-

хватив мазь, вошла в комнату поэта. Тот сидел за письменным столом спиной к двери и что-то писал. Муж последовал за мной, чтобы присутствовать при том, как меня будут отчитывать. Не спрашивая разрешения, я встала за креслом поэта и стала натирать мазью больное место.

— Это что такое? — рассмеялся Тагор. — Ты что делаешь? — Но не протестовал.

— После массажа вам станет легче, — сказала я.

— И как это тебе пришло в голову? Ну, посмотрим, что ты за доктор.

С совершенно расстроенным лицом мой муж наблюдал за тем, как спокойно, не колеблясь, поэт принимал все мои заботы. Я рассмеялась.

На вопрос Тагора, чему я смеюсь, я ответила:

— Ваш профессор заключил со мной пари, что вы не позволите мне помочь вам, так как никогда не пользуетесь услугами других. Он проиграл!

Тагор обернулся к Махаланобису и, улыбаясь, сказал:

— А, ученый муж, как можно предугадать настроение поэта? Если я не принимаю твоих услуг, это не значит, что я не воспользуюсь ее помощью. Испокон веков мы зависим от вас, женщин. Вы появляетесь на земле с правом заботиться о других. Однако Прасанта сказал правду — я никому не разрешал прислуживать себе. Но ты решительная женщина, тебе я не в силах помешать. Без моего согласия ты сделала массаж. Вижу, у тебя это хорошо получается. Придется тебе подчиниться.

Весь день я была в радужном настроении. Я понимала, что выдержала экзамен — Тагор признал меня близким человеком. С того памятного дня до последних часов жизни поэта я пользовалась его расположением, ухаживала за ним. Мне случилось видеть его при разных обстоятельствах. И могу смело сказать: Тагор-человек достоин не меньшего восхищения, чем Тагор-поэт. Каким гордым молчалием отвечал он на оскорбления, которыми не раз

осыпали его газеты! В душе моей вставали его слова: «Ты более велик, чем твоя слава»¹.

С безграничной любовью и нежностью относился Тагор ко всему живому — к птицам, животным, растениям. Он не терпел, когда птиц держали в клетке.

— Мне больно видеть птиц в неволе, — говорил он. — Всевышний дал им крылья, чтобы они весело летали в бескрайнем свободном небе. Человек же, словно разбойник, превращает их в узников, лишает радости в угоду собственному эгоистическому удовольствию.

В Шантиникетане ранним утром, когда Тагор пил чай в саду или на открытой террасе дома, к нему со всех сторон слетались воробьи, индийские соловьи, голуби. Тагор брал горсть жареного риса и бросал птицам, с удовольствием наблюдая, как они суетятся, склевывая зерна.

— Взгляните, как они прекрасны! — говорил он. — Разве любая из них выглядела бы так в клетке? Они чувствуют, что я не причиню им вреда, и потому без страха, радостно и свободно приближаются ко мне. В этом моя награда.

Так же безгранично любил Рабиндранат Тагор и растения. Перед его домом росла лиана, и он сам ежедневно поливал ее, ни разу не забыв об этом среди тысячи обязанностей. Растение называлось «pretiya», но поэт дал ему бенгальское имя «нил-мони» — сапфир. Когда лиана покрывалась голубыми цветами, он радостно созывал всех любоваться ими.

Душа поэта была всегда открыта людям, особенно простым, которыми так легко пренебречь.

Как-то Тагор захворал. Доктор приколол к дверям его комнаты записку с запрещением входить к нему. Когда Тагор узнал об этом, он сердито отчитал меня. Он сказал, что не может запретить людям, пришедшим издалека, видеться с ним и что от этого ему хуже не станет.

Однажды утром, зайдя в его комнату, я увидела, как незнакомый юноша читает ему что-то из толстой тетради, а он, подперев щеку рукой, печально слушает его. Я тихонько прикрыла двери.

Днем, когда принесли еду, Тагор задумчиво сидел все в той же позе.

— Подумай, какая трагедия! — обратился он ко мне. — Юноша, что читал стихи, — душевнобольной, но несчастный сам не подозревает этого. Он пытается писать. Первые две-четыре строки — прекрасны, но затем из-под его пера выходит сумбур. Он не в состоянии довести до конца ни одного стихотворения! Бедняга пришел ко мне со своей тетрадью, вероятно, ожидая от меня помощи. Не мог же я сказать ему, что он сумасшедший, что ему мешает болезнь. Я уверен, будь он здоров, из него вышел бы прекрасный поэт — ведь первые несколько строк удивительно хороши, но затем он теряет нить. Зачем всевышний наделил юношу талантом, чтобы потом разрушить этот прекрасный дар?

Целый день Тагор был сумрачен. Вечером, когда я снова навестила его, он прочитал мне новые стихи:

Иногда в душе своей я слышу
Звук твоей вины².
Иногда они ускользают,
И я их не слышу.

¹ Строка из стихотворения Р. Тагора «Шах Джан». (Здесь и ниже примечания переводчика.)

² Вина — индийский музыкальный инструмент.

Забыв о своих делах, потратить целое утро на несчастного безумца, скорбеть о нем, о тщетности его стремлений — это так характерно для Тагора! С таким же трогательным участием он относился ко всем незаметным людям. Он ни разу не оскорбил, не обидел ни одного человека.

Незадолго до смерти Рабиндраната Тагора, когда посетителей к больному не пускали, чтобы не беспокоить его, я, поднимаясь по лестнице, заметила стоящего внизу молодого человека с осунувшимся лицом. Он подошел ко мне и с грустью сказал:

— Разрешите мне посмотреть на Учителя! Я не скажу ни слова, только поклонюсь ему низко и уйду. Я пришел издалека, жду уже три дня. Сегодня я должен уйти. Позвольте хоть раз взглянуть на него! Ведь больше никогда в жизни я его не увижу. Это последняя возможность.

Наверху я рассказала об этом юноше внучке Тагора.

— О чем вы там шепчетесь? — спросил поэт.

Я вынуждена была все рассказать.

— Позовите же его! — воскликнул Тагор, выслушав меня. — Нашли о чем советовать? Разве я такой важный человек, что не могу разрешить взглянуть на себя? Ведь я не буду с ним разговаривать. А от того, что кто-то посмотрит на меня, я не устану.

Шудхиканто-бабу, домашнему врачу Тагора, не пускавшему юношу к поэту, пришлось безмолвно выслушать упрек и удалиться. Молодой человек пришел радостный, он коснулся головой ног поэта, долгим взглядом посмотрел ему в лицо и медленно вышел.

— Мать, — сказал он уходя, — вы осчастливили мою жизнь. Этот день навсегда останется в моей душе.

Впервые Тагор не сказал ни слова посетителю. Мне кажется, он не хотел, чтобы нам досталось от врача.

Через четыре дня после операции состояние поэта ухудшилось. Он лежал молча, закрыв глаза, потемнев от боли, но стойко и внешне спокойно выносил физические страдания. В тот день все мы поняли, что наступили последние часы, что нам его не сохранить. Тихо и молча собрались мы у изголовья Тагора.

Неожиданно он открыл глаза и, увидев мое грустное лицо, состроил гримасу и резко выдохнул: «Ха!» — в шутку пугая меня. Я рассмеялась.

— То-то! — сказал он, как обычно. — Не печалься! Улыбнись, не делай такого серьезного лица. Тебе это не идет.

Тагор всегда шутил со мной, любил смешить меня. И в тот день я рассмеялась его шутке, но на глаза мои навернулись слезы. Забыв о себе, презрев жестокие муки, Тагор пытался развеселить нас! Он почимал, что конец его близок, что в душе у нас всех печаль. И он старался облегчить ее. В тот день Тагор в последний раз пошутил со мною. Вскоре он потерял сознание, и через три дня его не стало...

Вспоминая о нем, я снова и снова склоняюсь перед его памятью и повторяю: «Ты был более велик, чем твоя слава».

Перевела с бенгали
И. ТОВСТЫХ